
Р. ПЕНРОУЗ О СОЗНАНИИ: АПОФАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД?

В.Д. Захаров

*Всероссийский институт научной и технической информации
(ВИНИТИ)*

Раскрывается суть полемики Р. Пенроуза с его критиками (Хоукингом, Серлом, Шимони и др.) по вопросу о природе сознания. Я показываю, что объяснение сознания на физическом пути невозможно, и результаты Пенроуза можно истолковать только на пути апофатизма («учёного незнания» Н. Кузанского).

Ключевые слова: сознание, личность, физикализм, вычислимость, эйдосы, платонизм, истина, апофатическое познание, миф.

Тайна – это правда, и скрывают её потому,
что принимают всерьёз.

Г.К. Честертон

После выхода в свет двух монографий Роджера Пенроуза [1, 2] по теме сознания на их автора обрушился шквал неприятия и критики, которые, например, отражены в обзорной публикации [3]. Протестовали все: не только философы, но и биологи, и физики (дискуссия Р. Пенроуза с его критиками С. Хоукингом, Н. Картрайт, А. Шимони представлена в сборнике [4]). Что, Пенроуз в чём-то крупно ошибался? Тогда о чём шум? Ведь на ошибки достаточно лишь указать и больше к ним не возвращаться. Зачем же поднимать ажиотаж и изводить столько бумаги? Может быть, аргументация такого крупного мыслителя, как математик и философ Пенроуз, оказалась слишком неубедительной? Я постараюсь показать, что аргументы его критиков гораздо слабее, а главное – идеи Пенроуза оказались слишком необычными. Они шли вразрез с представлениями абсолютного большинства учёных, занимавшихся проблемой сознания, – вот откуда их столь гневная реакция. Я дам свою собственную интерпретацию идей Пенроуза, которую, я уверен, тоже не примет не только вся армия его критиков, но, вполне вероятно, и сам Пенроуз.

Почему, собственно, возникает «проблема сознания»? Казалось бы, что может быть для нашего разума проще нашего собственного сознания, проявления которого мы ощущаем на каждом шагу в собственных мыслях и представлениях? Раз есть проявления, то они должны иметь и причину. Так как всё на свете есть «природа», вне которой ничто не существует, то эта причина должна быть *естественной*, то есть принадлежать природному миру. Поэтому ещё «Век просвещения» самоуверенно провозгласил, что для человеческого разума в природе нет тайн, и если для всякого явления природы может быть найдено причинное объяснение, то и такое «явление природы», как человек и его сознание, должно быть объяснено естественной

причинностью. Идея эта лишь укрепилась в XX веке с проникновением науки в тайны микромира. Абсолютное большинство и физиков, и философов уверены, что, поскольку квантовая механика описывает свойства самых элементарных «кирпичиков» мироздания, то она описывает *всё* во Вселенной – может ли от неё укрыться сознание?

На мой взгляд, по-настоящему сознание стало проблемой лишь в XX веке, когда нашлись мыслители, которые посмели усомниться: а можно ли человеческое сознание рассматривать как явление природного мира? Вначале ими были Вл. Соловьёв и Н. Бердяев, а затем М. Хайдеггер.

Когда речь заходит о человеческом сознании, сразу возникает вопрос о нашем Я (мире внутреннем) и не-Я (мире внешнем для нас и являющемся предметом нашего «познания»). Как разъясняется в предыдущей публикации [5. С. 3–7], соотношение Я и не-Я настолько нетривиально, что мы, строго говоря, не имеем формального правила для различения мира внешнего и мира внутреннего (на это впервые указал Вл. Соловьёв [6]). Поэтому мы смешиваем наше «сознание» («consciousness») с «познанием» (cognition), с «самосознанием» (self-consciousness) или даже с «совестью» (conscience). М. Хайдеггер прямо ставит вопрос: а умеем ли мы вообще мыслить и что это такое – мышление? [7].

Согласно Хайдеггеру, мы не умеем мыслить потому, что наше целостное бытийное Я само отвернулось от испытующего разума. Сам человек не доступен его собственному мыслящему разуму, не может быть постигнут на путях естественной причинности, потому что его Я находится вне этой причинности. «Проблема человека совершенно неразрешима, если его рассматривать из природы и лишь в соотношении с природой, – пишет Н. Бердяев [8]. – Самый факт существования человека есть разрыв в природном мире...». Человек своим существованием свидетельствует, что природа не самодостаточна, не замкнута сама в себе сплошной причинной связью, а имеет «окна» в мир свободы, и одно из этих «окон» – человек.

Далее Н. Бердяев развивает мысль о связи человека и его сознания. Наше бытийное Я есть *личность*. Она выше всяких форм познания и *ни из чего не выводима*. В то же время личность из своей таинственной глубины создает своё сознание, с помощью которого она утверждает себя, выделяя себя из смешения и хаоса феноменов [9]. Не умея определить личность как бытийное Я, мы не можем определить и обусловленное ею познающее сознание. По этой причине Вл. Соловьёв называл наше мыслящее сознание непонятным термином «становящаяся разумность». «Становящаяся» означает: никогда не данная нам как завершённое целое и потому неопределимая. Один из маститых современных исследователей сознания Дж. Сёрл [10] вынужден признать, что, «несмотря на обоснованность и универсальность нашей науки, мы... сбиты с толку и погружены в разногласия по вопросам о том, в чём заключается существо умственной деятельности». Зато Сёрл уверен в том, что мы нечто всё же знаем о сознании: «...мы знаем, что внутри нашего черепа – мозг... и процессы в мозге обуславливают сознание во всех

его проявлениях». Для разрешения этого вопроса мы должны призвать Р. Пенроуза, который получил результаты, фактически опровергающие этот тезис.

Пенроуз подошёл к вопросу о сознании как физикалист, верящий, подобно Сёрлу, что именно физические процессы в мозге обуславливают сознание («мы обязаны познать мысленный мир на основе физического... я по-прежнему остаюсь сторонником так называемого физикализма», сб. [4]). Только, в отличие от Сёрла, который ограничивается лишь расплывчатыми представлениями о субъективных состояниях сознания, он определяет эти состояния квантово-механически, в соответствии с идеей Дж. Уилера о роли наблюдателя в формировании результата квантового измерения. А именно: проявления сознания понимаются как *крупномасштабная квантовая когерентность*, состоящая в усилении микромасштабных квантовых эффектов до классического уровня, на котором мы и воспринимаем нашим сознанием мир. Когерентность объясняется тем, что квантовое состояние в момент измерения оказывается «запутанным» с окружением. Это обуславливает переход на классический уровень в соответствии со стандартной *R-процедурой* (редукцией вектора состояния, означающей мгновенный конец когерентности). Результатом измерения является то, что Пенроуз обозначает как *OR-переход* (objective reduction – восстановление объективной картины).

Физикалистский поиск истоков сознания неизбежно приводит к вопросу: где обитает сознание? Пенроуз тщательно обследует все микроканалы нейронов мозга, которые могли бы быть ответственны за квантово-механические проявления сознания (OR-переходы): гиппокамп, эпиталамус, область ретикулярной формации, наконец, саму кору головного мозга. Пользуясь помощью нейрофизиолога С. Хамерхоффа, Пенроуз ищет участки мозга, производящие такие проявления сознания, и нигде не находит их. Он делает вывод: «...нет таких ключевых процессов в мозге, которые бы непосредственно определялись квантово-механическими эффектами». Так, R-процедура может выполняться задолго до того, как наблюдатель зарегистрирует факт измерения: «Для редукции вектора состояния наше сознание не требуется!» «Приходится констатировать, – заключает Пенроуз, – что на сегодняшний день общепринятый критерий проявления сознания отсутствует» [1].

Если бы сознание определялось только физическими процессами, то состояния сознания, как причинно обусловленные, были бы полностью алгоритмируемыми. Это значит, что они были бы *вычислимы*, то есть переводимы на язык компьютеров. Физикализм основан на естественной, то есть *алгоритмируемой* каузальности, тогда как, по Пенроузу, «в процессе (сознательного) мышления участвует существенная неалгоритмическая составляющая» [1].

Это – знаменитая теорема по-го Р. Пенроуза об искусственном интеллекте, доказанная им в монографии [2]. Эта теорема похоронила идею «технологической сингулярности», согласно которой развитие возможностей ис-

кусственного интеллекта может привести к полному подчинению человека «машинной цивилизации». Теорема по-go говорит, что, какой бы мощностью ни обладал конечный автомат (компьютер в современном понимании), он не может превзойти человеческое мышление *во всех отношениях*. Доказательство основано на том же принципе, что и доказательство известной теоремы Гёделя о неполноте. Эта теорема утверждает, что в любой непротиворечивой аксиоматической системе, содержащей в себе формальную арифметику, существует утверждение, которое нельзя ни доказать, ни опровергнуть средствами этой системы. Само это утверждение конструктивно – строится в явном виде и по построению является истинным. Пенроуз рассматривает любой конечный автомат как модель конечного набора аксиом некоторой формальной системы. В полной аналогии с теоремой Гёделя для такой системы можно явно построить некоторое истинное утверждение, истинность которого не может быть доказана (*вычислена*) данным конечным автоматом. Предположим от противного, что создан суперкомпьютер, который реализует как минимум все методы математических рассуждений человека (математика). В силу доказанного Пенроузом математик может явно построить истинное математическое утверждение, истинность которого этот же суперкомпьютер не может ни доказать, ни опровергнуть. Полученное противоречие доказывает теорему по-go: никакой компьютер не может превзойти человека *во всех* математических рассуждениях. А поскольку математические способности людей – только частный случай способностей человеческого разума, то отсюда следует, что человеческая способность *понимания* не может быть превзойдена никаким компьютером: она не поддается формализации. Этот тип способностей человека, который выходит за пределы возможностей любого конечного автомата, Пенроуз называет *невычислительной активностью мозга*.

И всё-таки мозга! Пенроуз и тут хочет оставаться физикалистом, он хочет лишь найти, что же в такой физической системе, как мозг, превращает эту физическую систему во что-то отличное от любого вычислительного устройства. Его цель – найти физику, имеющую невычислительный характер. Однако, рассматривая всю известную физику, как классическую, так и стандартную квантовую, он показывает, что вся вообще известная физика имеет вычислительный характер. Даже если мозг – не классический, а квантовый компьютер, то и это не может объяснить его невычислительную активность.

Открыв «невычислительную активность мозга», Пенроуз подорвал те интерпретации квантовой механики, которые предлагают включить в состав этой науки «сознание наблюдателя». Ведь «сознание» наблюдателя осуществляет сугубо механическую, то есть вполне вычислимую функцию. «Наблюдатель» в физике – это вообще не человек, а некий идеальный элемент, вводимый в теорию для интерпретации результата измерения.

Отрицательный результат Пенроуза свидетельствовал против физикализма. Тем не менее сам он упорно хочет оставаться физикалистом, а не ме-

тафизиком. Самую открытую им невычислительную активность человека, само неалгоритмическое построение суждений он приписывает мозгу, и эту «невычислительную активность мозга» он склонен считать главным проявлением со-знания.

Заключение это странное. Почему вычислительные процедуры (уже отличающие человека от животных) должны быть исключены из сферы сознательных функций? Это явное противоречие наталкивает нас на иную интерпретацию результатов Пенроуза. Мне кажется, он стремится объяснить не сознание, а *человека*, хотя и не отдаёт себе в этом различии ясного отчёта. Сознательные функции – лишь производная от человеческой личности. Всё, что в действительности делает Пенроуз, сводится к тому, чтобы отстоять примат человеческой личности перед её сознанием. Мыслит не мозг, а наша личность с помощью мозга. Для этого Пенроуз и показывает, что человек не может быть исчерпан такой *сознательной* его функцией, как вычислительная активность. На этом пути он идёт ещё дальше и хочет показать, что *невычислительная* активность человека связана с его способностью непосредственно *видеть* математические истины. Непосредственно – это значит вне логики и причинных связей. Здесь он уже не физикалист (хотя и упорно желает им оставаться), а настоящий метафизик, потому что способность человека непосредственно воспринимать истины он рассматривает как способность «осуществлять прямой контакт с миром математических идей Платона» [1].

Тут обнаруживается принципиальное различие в понимании сущности математики метафизиком Пенроузом и редуccionистами типа Хоукинга или Сёрла. С. Хоукинг прямо высказывается: «Я убеждённый редуccionист... я отношу себя к позитивистам и уверен, что физические теории являются всего лишь *создаваемыми нами* (курсив наш. – В.З.) математическими моделями, вследствие чего вообще не имеет смысла говорить о соответствии теории и реальности. Теории следует оценивать лишь по их способности предсказывать наблюдаемые явления» [4]. Таким образом, реальность для Хоукинга – нечто несущественное и ненужное: теории создаются не для познания реальности. Для позитивиста Хоукинга математические истины лишь *изобретаются* человеком как некая его умственная модель. Для реалиста Пенроуза истины в математике не создаются человеком, а существуют вечно и вне человека: человек лишь *открывает* для себя их существование, и не в своём мозгу, а в идеальном платоновском мире. Это и есть реализм в его классическом противопоставлении с номинализмом. Зачем всё-таки нужен реализм? На этот вопрос образно и метафорически отвечает Г.К. Честертон [11]: «Если разум механичен, думать неинтересно, а если мир нереален, думать не о чем».

Возникает лишь вопрос: каким образом математические идеи открываются человеком? Пенроуз, как это видно из его ответов критикам, не может указать какого-либо человеческого способа восприятия математических идей. Он говорит лишь о непонятной способности человека проникать в мир

платоновских эйдосов, ссылаясь при этом на нечто труднообъяснимое – на свой личный «математический опыт».

Однако критики Пенроуза мало обращают внимание на проблему связи человека с платоновскими эйдосами. Они – физикалисты и вообще не верят в эйдосы. Их цель – разоблачить Пенроуза как физикалиста, и, в частности, Хоукинг, а также и Д. Чалмерс [12] не принимают такое физическое истолкование проявлений сознания, которое использует Пенроуз, – OR-переходы. Отвергнув же их, Хоукинг и Чалмерс всё равно не предлагают взамен ничего лучшего, так что их критика остаётся бесплодной. Я же предпочитаю остановиться именно на проблеме эйдосов и показать уязвимость концепции Пенроуза в этом пункте. Это выведет нас на совершенно иной подход в понимании концепции Пенроуза.

Допустим, Пенроуз прав, и математик черпает свои идеи из платоновского мира. Идеи, по Пенроузу, вечны и неизменны, а поскольку они проникают в сознание математика *непосредственно*, то являются к нему в готовом виде, как некий чудесный дар от платоновских «небес» в виде каких-то абсолютных истин.

Тут возникают сразу два вопроса, на которые совершенно не обращают внимания критики Пенроуза. Первый: математические «истины» – это истины о чём и к чему они относятся? У Пенроуза есть на это ответ: они относятся к «физическому миру», который, по его представлению, полностью описывается математикой (см. схему миров Пенроуза – физического, мысленного и платоновского, – например, в [3]). Однако с ним не согласился бы А. Эйнштейн, который сказал: теоремы математики *не точны*, если они применяются к действительному физическому миру; они точны, только когда не прилагаются к действительности. Другой известный физик высказался ещё категоричнее: это несчастье для физики, что она не может обойтись без математики.

Второй вопрос: есть ли вообще истина в математике? У древних греков истина была абсолютной и выражалась математически, в соответствии с аристотелевой теорией доказательства. Истины у греков относились к их Космосу («физическому миру»). Так, у Платона (в «Тимее») Демиург конструирует мир по строгому геометрическому плану в соответствии с единой, считавшейся абсолютной, геометрией. Сами платоновские эйдосы не отделены от мира непроницаемой стеной, но являются порождающими элементами Космоса (ещё пифагорейцы такими порождающими элементами считали числа).

А что же считается истиной в математике в наши дни после кризиса её оснований начала XX века? Абсолютная истина давно покинула как учение о пространстве (с возникновением неевклидовых геометрий), так и учение о числе (с теоремой Гёделя). С обрушением фундамента математики ни одна математическая теорема не может считаться строго доказанной, так как само понятие доказательства утратило строгий (абсолютный) смысл (см. [13. С. 36–47]).

С утратой строгости уже нельзя утверждать (как это делает Пенроуз), что математика имеет дело с платоновыми абсолютами. Можно только верить в их существование, но вера – это уже не знание. А. Лосев например, считал, что ни философия, ни тем более наука не могут доказать существование универсалий (общих идей) – это вопрос веры, а верить можно только в то, чего мы не знаем. Эйдосы не познаваемы мыслью: Платон тоже считал, что они не доступны человеческому познанию.

Эйдосы не доступны знанию – означает ли это, что они не существуют? Так ведь и человек недоступен своему же знанию. Означает ли это, что мы не существуем? Я хочу указать путь, по которому мог пойти Пенроуз для утверждения существования эйдосов. Это есть особый путь познания, на который ступил ещё Сократ, и я продемонстрирую его сначала на задаче познания человеческой личности.

Если нечто недоступно знанию – означает ли это, что оно никак не может быть познано? Вот Сократ говорил, что он ничего не знает, но считал своё незнание весьма полезным для себя, потому что оно позволяло ему разоблачить многие предрассудки «знающих». Спустя почти два тысячелетия Николай Кузанский разъяснил нам, какую пользу может приносить незнание, создав свою философию «учёного незнания» [14]. Само название указывает на то, что незнание может чему-то научить. Примером является так называемая «отрицательная теология». Что мы можем «знать» о Боге? Только то, чем Он не является: Бог *не есть* камень (идол), *не есть* огонь, не есть вообще природа. Разве это не приближает нас к богопознанию, хотя Бог так и остаётся для нас тайной? Ещё пример: «Древние знали о грехопадении, даже если они ни о чём не знали» [11]. Такого рода «познание» стало называться *апофатическим*.

Я думаю, апофатическое познание очень применимо к постижению такого существа, как человек. Убедил меня в этом наш отечественный философ и физик В. Налимов. Его книга [15] прямо носит подзаголовок «смысловая архитектура личности». В. Налимов хочет постигнуть личность через её смыслы, а эти смыслы, как он утверждает, раскрываются через незнание, ибо «незнание всегда богаче нашего знания». Сам смысл человеческого существования состоит «в расширении горизонта нашего незнания» относительно Мира и самого себя. Наше знание всегда нас обманывает относительно подлинного бытия. Сводя «познание» к разделению субъекта и объекта, оно отождествляет бытие с миром объектов знания. Объекты же знания – не бытие, и ещё Кант назвал такое отождествление бытия и мира объектов иллюзией нашего разума (Бердяев потом назовёт эту иллюзию *объективацией*). Напротив, незнание стирает границу между субъектом и объектом, между рациональным и иррациональным, приобщая нас к бытию, в котором укоренено наше Я. Модель человека, основанная на незнании, предполагает предельные вопросы, на которые нет и не может быть ответов. Прежде всего, вопросы: что есть личность? и как идентифицировать человека? Это означает, что *человек есть тайна*, и тайна должна быть признана

частью естественного порядка вещей. Тайна более естественна, чем любые попытки вывести сознание как продукт «высокоорганизованной материи»: «Неестественно видеть в человеке естественное порождение природы» (Честертон [11]).

Это апофатическое знание (как незнание) раскрывает тот образ личности, который нашему сознанию представляется как *миф*. Миф повествует о нашей семантической (смысловой) реальности, и вся история человеческой культуры есть история развития мифов о личности. Только через миф познаётся реальность.

В. Налимов приводит много мифов о человеке с древнейших времён до Нового времени. Из мифов мы узнаём, что в человеческом Я исконно внедрено представление о высшем бытии – Боге. С этим связан тот миф о человеке, которого придерживались философы Фр. Шеллинг и Вл. Соловьёв. Согласно этому мифу, первоначальное человечество обладало единой верой в единого Бога и в этой слитности с единым Богом не нуждалось в познании и даже в осознании своего Я. То, что мы называем сознанием, появилось лишь вследствие утраты единого Бога. Пока человек не отпал от единого Бога, он не нуждался даже в религии и не имел храмов (это отражено в рассказе Ф. Достоевского «Сон смешного человека»). Утрата же единого Бога явилась утратой бытия, собственного Я, прежде укоренённого в Боге. Сознание появилось у человека как восприятие происшедшей с ним катастрофы – отпадения от бытия в Боге. Лишь утратив Бога, человек воззвал к Богу – появились религии. С тех пор человек тщетно ищет своё утраченное бытийное Я. Стремясь к своей индивидуальной обособленности, он утверждает в себе лишь ложное, небытийное Я, которое и называет своим сознанием.

Этот экскурс в область апофатического познания понадобился мне, чтобы продемонстрировать, что концепция сознания, развитая Пенроузом, – это чистой воды апофатика! В самом деле, суть человеческого сознания у него есть невычислительная способность человека проникать в мир эйдосов. *Знать* о них нам не дано: мы даже не знаем, как они могут существовать, потому что не знаем, что такое есть существование вне времени. Эйдосы непознаваемы, а значит, непознаваемо и определяемое таким образом сознание. Следует прямо признать, что это не есть *знание* о сознании, а это есть *незнание*, которое, однако, приближает нас к проникновению в тайну связи человека с эйдосами (в осознание того, что человек – тайна). В тайне заключена правда, и здесь сбывается то, о чём говорит Н. Кузанский: *самим непостижением постигается непостижимое*.

Вряд ли Пенроуз согласится признать свою концепцию апофатической: апофатика ведёт к мифу, а миф разрушает физикализм, которого Пенроуз продолжает держаться. Однако он не может объяснить на физическом пути общение человека с миром эйдосов. Поэтому ему приходится придумывать небылицы вроде той, что любой ребёнок уже имеет заложенное в его сознание понятие о целых числах. Каким образом? Это никак не объясняется. Пенроуз сам признаётся, что для него это есть тайна. Тем не менее его

цель – любой ценой сохранить физикалистский подход к человеку. Каким образом? Тут Пенроуз проявляет чудеса уловок и изворотливости.

Хотя «невычислительная активность мозга» не может быть описана современной физикой (в том числе и квантовой), Пенроуз хочет уверить себя и нас, что *грядущая* физика позволит объяснить её. Тут он – необыкновенный оптимист: верит в будущую Окончательную теорию всех физических взаимодействий, а для объяснения невычислительной активности он согласен удовлетвориться квантовой гравитацией, которая пока тоже не создана. Пенроуз и тут ничего не может доказать, но лишь подставляет себя под стрелы его критиков. Хоукинг справедливо указывает ему, что квантовая гравитация не в большей степени сможет прояснить существование ОР-переходов в микроканалах мозга, чем стандартная квантовая механика.

Пенроуз мог бы отказаться от физикализма и перейти на почву метафизики. Ведь *объективно*, получая отрицательные результаты относительно проявлений сознания в мозге, он работает именно на апофатическое незнание, следовательно, на миф. Только он ни за что в этом не признается – настолько сильна его вера в возможности научного *знания*. Он не допускает даже возможности апофатики, и всякий отказ от знания («отрицательные» аргументы) рассматривает лишь как капитулянтский отказ от «более серьёзных исследований нейрофизиологии и других биологических характеристик мозга». Это обрекает его на дальнейшие бесплодные состязания со своими критиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. – М.: ЛКИ/URSS, 2008.
2. Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. – Москва-Ижевск: РХД, 2003.
3. Юлина Н.С. Роджер Пенроуз: Поиски локуса ментальности в квантовом микромире // Вопросы философии. – 2012. – № 6. – С. 116–129.
4. Большое, малое и человеческий разум. Спор о физическом мире и мире идей: сборник статей. – СПб.: Амфора, 2008.
5. Захаров В.Д. Как квантовая механика «объясняет» сознание (критика многомировой интерпретации и её «расширенного» варианта) // Метафизика. – 2012. – № 3 (5). – С. 3–23.
6. Соловьёв В.С. Теоретическая философия // Соч.: в 10 т. – Т. 9. – СПб., 1911.
7. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Разговор на просёлочной дороге: сборник статей. – М.: Высш. шк., 1991.
8. Бердяев Н.А. О назначении человека. – Париж: YMCA – PRESS, 1939.
9. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека (опыт персоналистической философии). – Париж. YMCA-PRESS. 1939.
10. Сёрл Дж. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002.
11. Честертон Г. К. Вечный человек. – М.: Изд-во политической литературы, 1991.
12. Чалмерс Д. Сознательный ум в поисках фундаментальной теории. – М.: ЛКИ/URSS, 2013.
13. Захаров В.Д. Физика как философия природы. – М.: ЛКИ/URSS, 2010.
14. Кузанский Н. Об учёном незнании: соч.: в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1979.
15. Налимов В.В. Спонтанность сознания. – М.: Прометей, 1989.

R. PENROSE'S IDEAS ABOUT THE CONSCIOUSNESS: AN APOPHATIC APPROACH?

V.D. Zakharov

The essence of R. Penrose's controversy with his critics on the occasion of the consciousness nature is revealed. I show that the explanation of the consciousness is impossible on the physical way and Penrose's results are well interpreted only on the apophatic way ("learned ignorance" of N. Kuzansky).

Key words: consciousness, person, physicalism, calculability, ideas, platonism, verity, apophatic cognition, myth.